

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧНОСТИ

В.А. Иванюшина, Д.А. Александров, Е.В. Казарцева

ЭТНИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОДРОСТКОВ-МИГРАНТОВ*

Работа основана на данных опросов и интервью иноэтничных школьников Санкт-Петербурга и Московской области (1428 анкет и 43 интервью с детьми из семей мигрантов из Закавказья, Северного Кавказа и Средней Азии), которые показывают вариативность манифестаций этнической идентичности подростков. Описано четыре формы самоидентификации: моноэтническая, биэтническая, надэтническая и отказ от этнической принадлежности. Интервью дают возможность установить, что подростки используют как примордиалистские, так и конструктивистские обоснования выбора идентичности. Отказ от презентации себя в терминах этнической идентичности свидетельствует о конфликте идентичностей. Русскую идентичность выбирают 18 % подростков из семей Средней Азии и Кавказа. Семья и школа выступают как локальные социальные среды, преломляющие и актуализующие структурные условия принимающего сообщества. Подросток строит свою идентичность, используя ресурсы, предоставляемые семьей

* Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2009-2014 гг.

Иванюшина Валерия Александровна — кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-учебной лаборатории «Социология образования и науки» НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) (ivaniushina@hse.ru)

Valeria Ivaniushina — Candidate of Sciences in Biology, Leading Research Fellow, Sociology of Education and Science Laboratory, National Research University — Higher School of Economics (Saint Petersburg) (ivaniushina@hse.ru)

Александров Даниил Александрович — кандидат исторических наук, заведующий Научно-учебной лабораторией «Социология образования и науки» НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) (dalexandrov@hse.ru)

Daniil Alexandrov — Candidate of Sciences in Biology, Head of the Sociology of Education and Science Laboratory, National Research University — Higher School of Economics (Saint-Petersburg) (dalexandrov@hse.ru)

Казарцева Екатерина Витальевна — кандидат социологических наук, лаборант Научно-учебной лаборатории «Социология образования и науки» НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) (kazarceva.ekaterina@mail.ru)

Ekaterina Kazartseva — Candidate of Sciences in Sociology, Technician, Sociology of Education and Science Laboratory, National Research University — Higher School of Economics (Saint Petersburg) (kazarceva.ekaterina@mail.ru)

(родной язык, культурные практики, история семьи) и школой (полиэтническая среда общения, русский язык). Выбор идентичности зависит также от положения этнической группы в принимающем сообществе. Наличие сильных и успешных диаспор, таких как армянская и азербайджанская, способствует идентификации с этими этносами детей, родившихся в Петербурге. Русскую идентичность чаще выбирают подростки национальных групп, диаспоры которых появились в Петербурге относительно недавно (таджики, узбеки). Надэтнические идентичности, такие как «кавказцы» или «мусульмане», складываются в полиэтнических школах и позволяют подросткам вариативно проводить новые границы между группами. Среди представителей малочисленных этнических групп также чаще проявляется тенденция использования надэтнических категорий для самоидентификации.

Ключевые слова: мигранты, этническая идентичность, этнические границы, надэтническая идентичность.

Миграция является важным фактором, который заставляет людей задуматься о своей этнической идентичности. Роберт Парк писал: «Интересно, что первым шагом в американизации иммигранта является то, что он не становится сразу совершенным американцем. Он просто перестает быть провинциальным иностранцем. Вюртембержец или вестфалец в Америке становится прежде всего немцем, сицилиец или неаполитанец — итальянцем» (Баньковская 1994: 10). Более того, процессы миграции приводят к возникновению надэтнических идентичностей: так, жители стран Латинской Америки со своими сложными межгосударственными и межнациональными отношениями в США приобретают надэтническую (panethnic) идентичность — становятся «латинос» (Okamoto, Mora 2014). Развивая идеи Ф. Барта, предложившего рассматривать этничность как процесс взаимодействия самоопределения группы и внешней категоризации (Barth 1998), современные социологи и антропологи считают этническую идентификацию динамическим социальным процессом, в котором человек выбирает, к какой группе себя относить в зависимости от локального социально-культурного контекста (Alba, Nee 2003; Verkuyten 2005; Waters 1996). Этот подход, безусловно, противоречит устоявшемуся представлению о том, что этничность — это нечто фиксированное, данное человеку при рождении вместе с родственными узами.

Для мигрантов, стремящихся к интеграции, приобретающих гражданство принимающей страны, всегда есть выбор между этнической идентификацией и гражданской идентификацией. Отметим, что гражданская идентичность во многих случаях, по крайней мере в языковом отношении, совпадает с титульной нацией — французы во Франции, немцы в Германии, русские в России. Проблема выбора идентичности особенно актуальна для подростков, поскольку у них происходит процесс формирования идентичности. Если взрослый человек переезжает в другую страну уже со сложившимися представлениями о собственной идентичности, то у подростков-мигрантов первичная социализация происходит в гибридном мире, в котором они оказались — с одной сторо-

ны это семья и диаспора, с другой — школа и другие институты принимающей страны (Alba 2005; Waters 1994, 1996).

Исследователи, изучавшие аккультурацию и адаптацию подростков-мигрантов в 13 странах, предложили биполярную модель измерения этнической идентичности, предполагающую анализ степени идентификации индивида со своей или чужой этнической группой (Berry et al. 2006). Данная модель включает в себя четыре категории идентичности: моноэтническая идентичность со своей группой, биэтническая идентичность, моноэтническая идентичность с чужой этнической группой и маргинальная этническая идентичность. При этом связи с двумя группами могут сосуществовать относительно независимо друг от друга.

Миграционная ситуация в нашей стране представляет собой особый случай в плане истории, культуры и социолингвистических обстоятельств. Проблема межстрановой миграции является относительно новой для России. Формальное определение трансграничного мигранта, т. е. человека, приехавшего в страну пребывания из другого государства, здесь плохо применимо. Трудовые мигранты, приезжающие в Россию — это в большинстве своем жители постсоветского пространства, многие из них обладают опытом проживания в едином государстве; в их семьях гибридная идентичность (например, «узбек» и «советский человек») сохранялась на протяжении нескольких поколений. В большинстве школ советских республик изучение русского языка было обязательным; русский язык в большинстве бывших республик СССР до сих пор является языком межнационального общения, и многие мигранты владеют им в определенной степени еще до переселения в Россию. Все это обуславливает особую специфику процессов интеграции мигрантов, а с ними и процессов этнической категоризации, формирования идентичности и построения этнических границ в современной России.

Хотя к настоящему времени имеется уже достаточно много исследований, посвященных изучению мигрантов, проблемы этнической самоидентификации рассматриваются в них редко. Можно упомянуть несколько работ, посвященных изучению этнической самоидентификации населения, проживающего на постсоветском пространстве, а также формированию надэтнической и гражданской идентичности в странах бывшего Советского Союза (Fleischman et al. 2011; Porre, Nagendoorn 2003). Отметим, что в этих исследованиях изучались взрослые респонденты; проблема этнической самоидентификации подростков-мигрантов в России пока что не затронута исследователями. Между тем изучение становления этничности у подростков важно и в практическом плане, поскольку формирование этнических категорий и этнических границ неразрывно связано с путями интеграции современных российских мигрантов в принимающее сообщество.

В рамках нашего исследования детей-мигрантов мы изучаем формы манифестации этнической идентичности у подростков. В этой работе мы используем сочетание количественных (анкетные опросы школьников) и качественных (интервью с подростками) методов, которые дополняют друг друга: анализ количественных данных позволяет описать относительную частоту разных форм манифестации и установить общие статистические закономерности, в то время

как интервью дают возможность понять, как информанты обосновывают выбор той или иной идентичности.

Данные

Количественная база данных основана на опросах, проведенных сотрудниками Лаборатории Социологии образования и науки НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) в ходе исследования по изучению адаптации детей-мигрантов. Исследование проводилось в 2009–2014 гг. в школах Санкт-Петербурга и ближайшего Подмосковья (районы, примыкающие к МКАД). По данным государственной статистики, наибольшее количество трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья приезжает в Москву и Санкт-Петербург.

Школы для опросов выбирались случайным образом из списка всех школ данного населенного пункта или муниципального образования; всего в выборку попали 230 школ Санкт-Петербурга и 99 школ Подмосковья. В каждой отобранной школе опрашивались все 9–10 классы в параллели. Опросы в школах были фронтальными, т. е. анкеты заполняли все школьники соответствующих классов, присутствующие на момент опроса. Всего в ходе исследования было опрошено 17950 подростков, из которых 14 % составляли иноэтничные мигранты из стран ближнего зарубежья и регионов России, преимущественно Северного Кавказа. Этнический состав мигрантов весьма разнообразен*. Для целей данного исследования из анализа были исключены мигранты с Украины, Белоруссии, Молдавии.

Базу нашего анализа составили 1428 анкет школьников, семьи которых недавно переехали из Закавказья, Северного Кавказа или Средней Азии. По этническому составу семей это были азербайджанцы (28 %), армяне (20 %), грузины (5,5 %); 10 % составляли подростки, родители которых относились к одному из народов Северного Кавказа. Детей из узбекских и таджикских семей было соответственно 4,4 % и 3 %. Другие народы были представлены единичными случаями. Кроме того, 22 % семей были смешанными, т. е. родители принадлежали к разным этническим группам.

В данном исследовании мы анализировали блок анкеты, содержащий вопросы о миграционной истории семьи, родных языках родителей и ребенка, этнической самоидентификации подростка. Вопрос об этнической самоидентификации был открытым и звучал так: «К какому народу или национальности ты сам себя относишь?». Этническая принадлежность родителей определялась по их родному языку, указанному школьниками-респондентами. Формулировка вопроса: «Какой язык является родным для твоей мамы (твоего папы)?» Подростки достаточно хорошо отвечают на этот вопрос (в отличие, например, от вопросов об образовании и трудовой занятости родителей, где пропусков гораздо больше): всего в 30 анкетах из 1428 (2 %) отсутствовал ответ о родном языке одного или обоих родителей; для этих семей мы не смогли определить этническую принадлежность.

Интервью с подростками были собраны в 2008–2010 гг. в полиэтничных школах Санкт-Петербурга. По рекомендации районных комитетов образова-

* Более подробно этнический состав школьников описан в нашей статье, опубликованной в журнале «Вопросы образования» (Александров и др. 2015).

ния, для проведения исследования были отобраны 22 школы с наибольшей концентрацией детей-мигрантов. Интервью проводились на русском языке в зданиях школ и на школьных дворах с записью на диктофон и последующим транскрибированием. Информанты отбирались по признаку принадлежности к нерусским этническим группам, при этом учитывался уровень знания русского языка и способность достаточно связно говорить на нем. Этничность подростков определялась по языкам родителей*.

Всего было собрано 43 полуструктурированных интервью с иноэтничными подростками, учениками 7–11-х классов. По этническому составу информантов в выборке значительно преобладают азербайджанцы (23 информанта) и армяне (9 информантов). Другие народы — узбеки, таджики, грузины и пр. — были представлены 1-2 информантами, что отражает полиэтничный характер контингента школ.

Гайд интервью содержал несколько блоков, в которых подробно обсуждалась школьная жизнь подростка, его учеба, друзья, планы на будущее. Значительная часть интервью была посвящена миграционной истории семьи, языку общения, семейным праздникам, знанию обычаев и традиций и т. п. Для выяснения этнической самоидентификации интервьюер спрашивал: «Кем ты считаешь себя по национальности?», и просил объяснить, что это значит. Отметим, что иногда подростки ограничивались кратким ответом и затруднялись дать развернутое объяснение, либо отказывались рассуждать на эту тему. Мы выделили 18 интервью, в которых тема этнической идентичности получила значительное нарративное насыщение.

Результаты

В нашем исследовании — как в интервью, так и в анкете — мы не предлагали подросткам выбирать из имеющихся вариантов этнической принадлежности. На вопрос об этнической самоидентификации информанты отвечали в свободной форме.

Степень четкости и уверенности, с которой подросток декларирует свою идентичность, показывает степень его самоотождествления с той или иной этнической группой. Если подросток полностью отождествляет себя с этнической группой, он декларирует это четко и ясно: «Я азербайджанец» или «Я узбечка». Если подросток отождествляет себя с двумя или несколькими этническими группами, в анкете указываются обе эти группы, а в интервью ответ на вопрос об этнической самоидентификации зачастую представляет со-

* Мы использовали родной язык родителей в качестве маркера принадлежности семьи к той или иной этнической группе. Хотя, как и все другие прокси измерения, такой подход не лишен недостатков (как указал нам рецензент, возможна ситуация, когда «родители могут иметь родным языком русский, но при этом считать себя армянами»), он служит простым и достаточно надежным приближением, наиболее часто используемым в количественных исследованиях. При этом важно подчеркнуть, что здесь мы говорим не о самоидентификации (кем себя считают респонденты), а о том, к какой этнической группе они могут быть приписаны.

Варианты манифестации этнической идентичности подростка

Этничность семьи (по языкам родителей)	Этническая самоидентификация подростка			
	С одной этнической группой	С двумя или более этническими группами	Надэтническая идентичность	Манифестация отсутствия идентичности
Моноэтнические семьи (N=1071)	975 (91 %)**	39 (4 %)	19 (2 %)	38 (4 %)
Биэтнические семьи (оба родителя нерусские) (N=94)	77 (82 %)	10 (11 %)	2 (2 %)	4 (4 %)
Биэтнические семьи (один из родителей русский) (N=233)	175 (75 %)	37 (16 %)	3 (1 %)	18 (8 %)
Все семьи (N=1398)*	1227 (88 %)	86 (6 %)	24 (2 %)	60 (4 %)

*В 30 анкетах отсутствовал ответ на вопрос о родном языке одного или обоих родителей; для этих случаев не удалось определить этнический состав семьи.

** В ячейках указаны проценты по строкам.

бой рассуждение о том, какие национальности ему наиболее близки или почему он считает себя в большей степени представителем одной национальности, чем другой. Встречаются случаи, когда школьник отвечает «не знаю» или отказывается отвечать. Наконец, в анкетах школьников нам встретились несколько случаев, которые мы классифицировали как надэтническую идентичность. В табл. 1 приводятся частоты ответов подростков на анкету в соответствии с этой классификацией.

Хотя подавляющее большинство семей (77 %) было моноэтническими, в нашей выборке оказалось достаточно много детей, родители которых принадлежали к разным этническим группам. Мы разделили такие семьи на две группы. Большую часть биэтнических семей — почти три четверти — составили семьи, где один из родителей был русским (или, по крайней мере, ребенок указал, что родной язык этого родителя русский); как правило, это была мать.

Анализ этнической самоидентификации по данным анкет показывает, что большинство школьников — и в моноэтнических семьях, и в семьях, где родители принадлежат к разным народам — выбирали идентификацию с одной этнической группой. С двумя (или более) этническими группами чаще идентифицировали себя школьники из этнически смешанных семей, особенно из тех, где один из родителей был русским. В этой же группе школьники чаще затруднялись ответить на вопрос о своей этнической идентичности. Наконец, случаи надэтнической идентичности встречались одинаково редко (1–2 %) во всех группах.

Чтобы понять, на какой основе формируется этническая самоидентификация, обратимся к данным интервью. Очень часто, говоря о своей этничности, подростки декларируют родственные связи и происхождение, т. е. используют дискурс примордиализма. Информанты воспринимают национальность как нечто врожденное, что переходит по наследству, дается от природы. Приведем в пример высказывание Исмихана, учащегося 11 класса, который не понимает, как отвечать на вопрос о том, что для него значит быть азербайджанцем: *«Ну азербайджанцем я родился, а быть им... Как это я могу им быть, ну я же и есть азербайджанец»* (Инт. 10, Исмихан, 16 лет).

Для Исмихана принадлежность к этнической группе — это естественно данное, неизменное свойство, в существовании которого не может быть никаких сомнений. Это рассуждение совершенно в духе сторонников «социобиологической теории этничности», считающих, что существует «глубоко укорененная “примордиальная идентичность”, полученная при рождении и практически не поддающаяся изменениям» (Ван ден Берге 2014: 89). Теория примордиализма в отношении этничности подвергается справедливой критике многими авторами (см., напр., Губогло 2003; Тишков 2003; Барт 2006), однако, на наш взгляд, важно обратить внимание на то, что сами респонденты и носители идентичности часто переживают ее как примордиальную. Об этом говорит Р. Брубейкер: «Именно участники, а не аналитики, являются настоящими примордиалистами» (Брубейкер 2012: 161). Помимо родственных уз, примордиальные связи включают родной язык, религию и обычаи.

Практически во всех наших интервью с подростками, где они рассуждали о своей этнической самоидентификации, в той или иной степени содержится примордиальная составляющая. Идентификация с несколькими этническими группами также может иметь примордиальное основание. Когда индивид хорошо осведомлен о родословной своей семьи, он рассуждает не только о своих родителях, но и более дальних предках, и в связи с этим чувствует принадлежность к разным этническим группам, которые, по его мнению, присутствуют у него «в крови». Приведем примеры отрывков из интервью:

«Я узбек, <...> ну, может еще, таджик немножко так. Просто в роду были такие» (Инт. 22, м., 15 лет); *«Мама у меня талышка* и полутурок, папа у меня турок и полуазербайджанец... [считаю себя азербайджанкой], еще турчанкой считаю и талышкой... ну, по всему немножко»* (Инт. 30, Хадиджа, 16 лет).

Несмотря на то, что в повседневных практиках, как правило, поддерживается только «преобладающая» этническая идентичность, знание подростка о своей родословной дает ему более широкие возможности выбора идентичности. Интервью с Хадиджой, цитированное выше, дает яркий пример множественной идентичности. Здесь основной идентичностью является азерб-

* Талыши — древний народ Южного Кавказа, исторически проживающий в горной и предгорной области Талыш, примыкающей к юго-западному побережью Каспийского моря (юго-восток Азербайджана и северо-запад Ирана). На талышском языке говорят всего около 900 тыс. чел. в мире, из которых в Азербайджане проживает около 16 тыс. Религия — преимущественно мусульмане-шииты.

байджанская, а «дополнительные» идентичности (талышская и турецкая) формируются благодаря знанию девочки о происхождении родителей, хотя в семье они не поддерживаются, и из дальнейшей беседы становится ясно, что о талышском народе девочка ничего не знает, кроме названия. Отметим, что хотя возможность выбора этнической идентичности существует не только для мигрантов*, факт миграции актуализирует этот выбор.

Множественные этнические идентичности могут конструироваться не только на основе примордиализма. Так, уже упоминавшаяся Хадиджа, которая «считает себя турчанкой и талышкой» в силу своего происхождения, говорит в интервью: *«Но так как они [родители] родились в Азербайджане, я азербайджанка».*

Отметим, что в анкетном опросе подростки значительно чаще выбирали моноидентичность, т. е. идентификацию с одним народом, даже в том случае, если происходили из этнически смешанных семей, в то время как в интервью они были более склонны к тому, чтобы причислить себя к двум, трем и более народам. Очевидно, анкета и интервью задают разные фреймы: в случае необходимости отвечать на вопрос анкеты (пусть даже и в свободной форме) респондент поставлен в более жесткие рамки, тогда как сама ситуация интервью располагает к тому, чтобы порассуждать о своей национальности, рассмотреть разные аспекты ситуации.

Довольно часто в анкетах встречались случаи, когда школьники, оба родителя которых были нерусскими, определяли свою этничность как русскую. Такой вариант самоопределения выбрали 8,4 % иноэтничных школьников; как правило, это были те, чья семья давно переехала в Россию и ребенок здесь родился, либо был привезен в раннем возрасте. Вероятно, отсутствие опыта проживания на родине предков препятствовало принятию соответствующей этнической идентичности. Как мы видим, в этих случаях примордиальные основания этничности не работают. Как было сказано выше, для мигрантов, особенно в том случае, если они нацелены на интеграцию, всегда есть выбор между этнической и гражданской идентификацией, что мы наблюдали в нашем исследовании.

Во многих интервью мы видели, что наряду с примордиальными аргументами подростки приводят аргументы гражданской идентичности. Так, во время анкетного опроса одна школьница-азербайджанка, семья которой переехала в Петербург восемь лет назад, сказала, что она считает себя русской, потому что недавно получила российский паспорт. Хотя по анкетам нельзя сказать с определенностью, в силу каких причин человек выбирает ту или иную идентичность, признаки примордиальной или гражданской идентичности проявляются в выборе слов, которые школьники вписывают в анкеты, отвечая на открытый вопрос о том, к какому народу или национальности они себя относят. Так, ответы типа «полукровка» или «метис» отсылают к примордиальным основаниям, тогда как ответы «россиянин», «россиянка», «Россия» смещают акцент с этнического на гражданский. Такие ответы дали 13 человек (5 %) из 202 респондентов.

* Так, Б. Винер (Винер 2005: 146-150) описывает интересные примеры, которые он называет «квазиэтничностью», когда человек выбирает свою этничность не по матери или отцу, а по более далеким предкам.

тов, которые идентифицировали себя как русских. Примечательно, что это были школьники из моноэтнических семей (азербайджанских, армянских, грузинских), общим для них было то, что все они либо родились здесь, либо приехали в дошкольном возрасте.

Подростки из семей мигрантов, переехавшие в очень раннем возрасте или родившиеся уже в России, нередко не могут однозначно определиться и ощущают свою двойственную этническую идентичность, даже если происходят из многоэтнической семьи. Вот несколько примеров из интервью:

«Кем считать... Ну, не знаю... Ну, узбеком, мне кажется, родители же узбеки. Ну, а сам родился в Питере» (Инт. 1, м., 14 лет); *«...во мне, можно сказать, как бы две национальности. Потому что как бы я родился в Армении, но всю жизнь, можно сказать, здесь живу»* (Инт. 37, Нарек, 15 лет).

Последняя цитата из интервью с Нареком, семья которого переехала из Армении в Россию, когда он был еще совсем маленьким. Его родители, с одной стороны, включены в принимающее общество, с другой — соблюдают армянские традиции; в семье принято говорить как на армянском, так и на русском языке. Таким образом, в семье поддерживается двойственная идентичность. Сам Нарек рассуждает на тему своей идентичности так: *«Как бы я уважаю русскую нацию, потому что они меня приняли здесь, я живу... здесь много русских знакомых, все нормально. И как бы я не могу сказать, к какой именно я отношусь нации. Я отношусь и к той, и к той. Но я не забываю в то же время, откуда у меня корни...»* (Инт. 37, Нарек, 15 лет).

Другие примеры двойственной идентичности, которые встретились в наших интервью, также связаны с продолжительным проживанием подростков в России. Так, ученики 7-го и 9-го класса (интервью 41 и 43), переехавшие в Санкт-Петербург в раннем возрасте, идентифицируют себя как со своей этнической группой, так и с русскими: *«русский башкир»* и *«наполовину грузин, наполовину русский»*. В базе анкет почти каждый пятый подросток — 18 % — идентифицировал себя как русский или наполовину русский.

Сторонники инструменталистского подхода к идентичности считают, что манифестации этнической идентичности могут меняться в зависимости от контекста, как инструмент приспособления к меняющейся экономической или политической ситуации. Р. Брубейкер предостерегает от слишком буквального понимания слова «инструменталистский»: хотя «продуманная и расчетливая» манипуляция этничностью тоже встречается, однако значительно более распространена «ситуационная» этничность, когда те или иные этничности индивида активизируются в зависимости от понимания им ситуации, в которой он находится (Брубейкер 2012: 163–164). Яркий пример такой ситуативной активации встретился нам в интервью с ученицей 11 класса Венерой, мама которой русская, а отец азербайджанец: *«...приезжая в Азербайджан, я говорю, что я азербайджанка, потому что там: “О, русские! Другая нация!” Как у нас здесь воспринимают других, там точно так же русских. Приезжая сюда, я говорю, что я русская, потому что азербайджанка здесь как-то не очень»* (Инт. 33, Венера, 17 лет).

Похожие примеры встречаются и в анкетах, когда подростки отвечают на вопрос о своей этнической принадлежности так: *«когда русская, когда армянка»*;

«я армянка, но больше русская»; «армянин, иногда русский»; «и азербайджанка, и русская». Этими ответами они подчеркивают гибкость, ситуативность этнической идентичности, которой можно управлять.

Около 5 % иноэтничных школьников, заполнявших анкету, не ответили на вопрос о своей этнической идентичности, либо написали «не знаю», «не могу ответить». Подобные затруднения — либо индифферентное отношение к этнической идентичности, либо отказ от идентификации с той или иной этнической группой — встретились нам и в нескольких интервью.

Отказ от презентации себя в терминах этнической идентичности, с нашей точки зрения, всегда свидетельствует о том или ином конфликте идентичностей — либо это переходное состояние, когда идентичность еще не сформирована, либо это попытка уйти от этнической категоризации, которая кажется проблемной. В некоторых случаях подобный отказ от этничности транслируется родителями. Например, вот как описывает ситуацию Гульназ, ученица 9-го класса из узбекско-татарской семьи: «...У моего папы отец татарин и бабушка из Уфы. Он себя считает обычным человеком. <...> Он мне говорит: “Главное, что я хороший и умный”. А я не знаю [кто я]» (Инт. 5, Гульназ, 15 лет).

Рамиль (мама русская, папа азербайджанец) отвечает, что не может себя причислить «ни к тем, ни к другим». Еще один школьник, ученик 7-го класса, у которого оба родителя таджики, на вопрос о том, кем он себя считает, отвечает так: «Не знаю даже. ... [для меня это] не очень важно. Потому что я уже живу здесь 5 лет где-то... Ну, так... не очень важно» (Инт. 38, м., 14 лет).

Отсутствие выраженной этнической идентичности, по классификации Берри с соавторами (Berry et al. 2006), может свидетельствовать либо о маргинальной идентичности, т. е. о сознательном отказе от идентификации себя как со своей «кровной» этнической группой, так и с этничностью принимающей стороны, либо «о еще не сформированной идентичности. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с формированием новой идентичности в процессе интеграции» (Phinney 1993): судя по интервью, в этой семье не поддерживается национальная и религиозная идентичность. Характерно также использование родного языка: таджикский язык этот мальчик использует только для общения в семье, а с друзьями-таджиками он разговаривает по-русски.

Наконец, нам встретился еще один тип этнической идентификации, который можно классифицировать как надэтническую идентичность (Okamoto 2014). К сожалению, ни в одном из наших интервью не удалось встретить такой выбор идентичности (что не удивительно, учитывая относительную редкость этого явления), и мы не знаем, как подростки рассуждают о такой идентичности и обосновывают ее выбор. Тем не менее, в базе анкет было 24 таких случая (2 %), и они заслуживают того, чтобы разобрать их подробно, поскольку они позволяют описать новое явление. Чаще всего в этих самонаименованиях встречались темы «мусульманство» и «Кавказ». В первом случае это замена этнической идентичности на религиозную, во втором случае — это подлинная надэтническая идентичность в смысле Окамото, т. е. консолидация националь-

ных и этнических групп в более широкие надэтнические категории, способствующая чувству солидарности. Рост самоидентификации с надэтническими (pan-ethnic) категориями наблюдается у мигрантов второго и третьего поколений (Okamoto 2014).

Приведем несколько примеров, показывающих разнообразие этничностей и миграционной истории в случаях выбора надэтнической идентичности.

Мадина, 15 лет. Родилась в Дербенте, семья переехала в Московскую область, когда Мадина уже ходила в школу. Мама работает гладильщицей в химчистке, папа водитель. Девочка хочет поступить в медучилище, а впоследствии работать медсестрой. Родной язык родителей и девочки табасаранский, дома говорят на этом языке*. На вопрос «К какому народу или национальности ты себя относишь?» отвечает «мусульманка».

Индира, 16 лет. Родилась в Ургенче (Узбекистан), оба родителя также родились в Ургенче, переехали в Санкт-Петербург недавно. Мама работает кассиром, отец — прорабом в строительной фирме. Индира планирует закончить 11 классов и поступить в вуз, мечтает получить профессию стоматолога. Оба родителя этнические казахи, родной язык девочки также казахский, в семье общаются на этом языке. Этническая идентификация — мусульманка.

Сабина, 15 лет. Мама родом из Баку, отец из Сумгаита. Родители переехали в Россию до ее рождения. У обоих родителей высшее образование, мама работает главным бухгалтером, отец — менеджером в автосервисе (работа с клиентами, оформление документов). Девочка планирует получить высшее образование, хочет быть учителем или программистом. Дома говорят на азербайджанском языке. Этническая идентификация — мусульманка.

Гасан, 15 лет. Семья переехала в Санкт-Петербург, когда мальчик еще не ходил в школу. Мама домохозяйка, отец частный предприниматель. Мальчик после школы планирует поступить в колледж, а затем в вуз. Мечтает стать адвокатом. Общение в семье на азербайджанском языке. На вопрос об этнической самоидентификации отвечает «кавказец».

Исмаил, 15 лет, родился в Азербайджане, переехал в Петербург в дошкольном возрасте, мама домохозяйка, отец водитель. Мальчик хочет окончить вуз и быть бизнесменом. Родной язык талышский, дома говорят на талышском. Этническая самоидентификация «кавказец».

Всего самоидентификацию через мусульманство выбрали 12 школьников: 9 девочек и 3 мальчика. Из них 6 школьников были азербайджанцами, а также узбек, таджик, казашка, табасаранка, чеченка и одна девочка из смешанной семьи (мама армянка, отец — араб из Иордании). Кавказскую идентичность выбрали 10 человек: 8 мальчиков и 2 девочки. Родными языками были азербайджанский (4 случая), армянский (2 случая), талышский (1 случай); 3 смешанные семьи (мама русская, отец из Закавказья). Нам встретились также два уникальных случая — девочка Анаит из армянской семьи

* Табасаранский язык относится к группе восточнолезгинских языков. Табасараны — один из коренных народов Северного Кавказа. Проживают в основном в Дагестане, численность около 150 тыс. человек. Религия — ислам суннитского толка.

идентифицировала себя как «христианка», мальчик Фарул из узбекской семьи — как «азиат».

Не имея свидетельств интервью, мы можем только догадываться, какие причины стоят за выбором надэтнической идентичности. Можно высказать несколько предположений. Одной из причин может быть желание представителей малочисленных этнических групп (в наших примерах — табасараны, талыши), оторванных от своей среды в условиях миграции, влиться в более широкую группу. Основой для объединения нескольких меньшинств может служить, например, общая религия, общий регион происхождения или также знание языка, наиболее близкого для представителей разных этнических групп. Такой выбор идентичности хорошо описывается моделями рационального выбора, предложенными Дэвидом Лэйтином, который рассматривал его на самых разных примерах, в частности, на примере мигрантов из бывшего Советского Союза, сформировавших в условиях эмиграции новую «русскоязычную идентичность» и образовавших новый «конгломерат» (Laitin, Bessinger 1999). Для российских мигрантов из стран ближнего зарубежья «общим знаменателем» может стать ислам, способный объединить азербайджанцев и выходцев из Средней Азии, или Кавказ.

В обывательской категоризации есть понятие «кавказцы», которое обычно несет в себе отрицательные коннотации (см., напр., Козлова 2015). Кавказ — это не просто название географического региона, это понятие, нагруженное разнообразными смыслами. На Кавказе проживает более 50 народов, исповедующих разные религии. Новейшая история региона изобилует острыми конфликтами, в первую очередь между армянами и азербайджанцами из-за Нагорного Карабаха. Отголоски этого конфликта накладывают отпечаток на отношения между этими двумя национальностями, в том числе и в условиях миграции. Тем не менее, как наши собственные данные, так и данные других исследователей показывают, что в школах нередко возникает дружба между армянами и азербайджанцами (Александров и др. 2011; Сабирова, Андреева 2014). В данном исследовании нам встретилась ситуация, когда идентификацию «Кавказ» выбрали два одноклассника — Альберт (родители армяне, родной язык подростка армянский) и Исмаил (родители талышы, родной язык подростка талышский). Принадлежа к разным культурам и к разным религиям, эти школьники объединены своим мигрантским прошлым и тем, что оба они выходцы с Кавказа. По свидетельствам этнографов, проводивших интервью в школах Санкт-Петербурга, категоризацию «мусульмане» или «кавказцы» используют также учителя школ, где много детей мигрантов (Пиир 2009).

Заключение

Два основных контекста социализации подростков — это школа и семья. В этих локальных социальных средах, преломляющих и актуализующих структурные условия принимающего сообщества, подростки формируют свою этническую идентичность. Наше исследование показывает, что хотя большинство подростков происходит из моноэтнических семей и идентифицирует себя с одной этнической группой, все же присутствует существенная вариативность манифестации этнической идентичности и ее обоснований, что дает возможность наблюдать и обсуждать динамические аспекты формирования идентичности.

Хотя манифестация идентичности имеет конструктивистский и инструментальный характер, в качестве обоснования подростки часто ссылаются на примордиальные основания, т. е. этничность, основанную на «кровных узах». Так обосновывают и моноэтническую, и множественную идентификацию с несколькими этническими группами, которые были представлены среди близких родственников подростка.

Интересный случай вариативности показывают нам смешанные семьи. Обычно у детей от смешанных браков решающей для этнической самоидентификации является этничность отца, что следует из нашего анализа анкет подростков из этнически смешанных семей. Такую же закономерность отмечал Б. Винер у взрослых респондентов, имеющих украинских и белорусских предков (Винер 1998). Однако в нашем исследовании в тех случаях, если мать является русской, дети часто предпочитают идентифицировать себя с этничностью матери, т. е. с русским этносом. Очевидно, в этих случаях желание принадлежать к этническому большинству оказывается более сильным фактором при выборе этнической идентификации.

Одной из самых интересных находок мы считаем возникновение «надэтнических» идентичностей, таких как «кавказцы» или «мусульмане». Хотя частота встречаемости этих категорий очень низка, само их появление достаточно интересно. Мы можем предположить, что здесь определенную роль играет специфика полиэтничных школ. В Петербурге нет школ, в которых бы преобладали бы дети одной национальности, обычно в одной школе, и часто в одном классе присутствуют и азербайджанцы, и армяне, и таджики. Надэтнические идентичности позволяют иначе провести границы между группами — так, узбеки и азербайджанцы могут быть объединены в общую категорию «мусульмане», а грузины, армяне, азербайджанцы, дагестанцы — в категорию «кавказцы».

Мы предполагаем, что появление этих новых категорий конструируется локально, в зависимости от этнического состава школы и складывающихся межэтнических отношений. Публичный дискурс о Кавказе насыщен стереотипами, что делает границу между Кавказом и остальным пространством постсоветской России очень яркой (bright boundary), в смысле Альбы (Alba 2005). Интересно будет проследить распространение надэтнической идентичности в динамике, по мере того как число мигрантов (в том числе и мигрантов второго поколения) будет увеличиваться.

В формировании этнической идентичности детей очень важны идентификационные стратегии семей. Именно в рамках семьи актуализованы как культурные ресурсы, которые используются в формировании идентичности, так и представления о социальной структуре принимающего общества и существующих границах. Знания об истории семьи, которые передаются от родителей к детям, также имеют немаловажное значение для этнического самоопределения подростков. Этот процесс особенно актуализируется в условиях миграции, когда люди попадают в новую среду и вынуждены заново определять этнические границы.

Адаптация к новым социально-культурным условиям непременно накладывает свой отпечаток на идентификацию. Для детей-мигрантов проблема адаптации прежде всего связана с интеграцией в школьное общество и появ-

лением нового круга общения. Зачастую подростки-мигранты за пределами семьи общаются преимущественно (или исключительно) с русскими знакомыми и друзьями и говорят на русском языке. То и другое является мощным фактором формирования русской идентичности.

Б. Винер, изучавший этническую самоидентификацию самых крупных этнических меньшинств Петербурга (украинцы, белорусы, евреи), отмечает, что изменение самоидентификации у мигрантов в пользу этнического большинства занимает, как правило, несколько поколений; основным механизмом при этом выступают смешанные браки (Винер 1998). В нашем исследовании мы наблюдаем изменение самоидентичности в пользу русской (или частично русской) у детей из семей мигрантов из Средней Азии и Кавказа уже через несколько лет проживания в России.

Как нам кажется, выбор идентичности зависит от положения этнической группы в принимающем сообществе. Однозначная, неререфлексивная манифестация идентичности многих армян и азербайджанцев, с нашей точки зрения, может объясняться тем, что у этих национальных групп в Петербурге имеются сильные и успешные диаспоры, вследствие чего дети, родившиеся в Петербурге или рано сюда приехавшие, легко себя идентифицируют с этими этносами. Напротив, русскую идентичность чаще выбирают подростки из национальных групп, диаспоры которых появились в Петербурге относительно недавно (таджики, узбеки). Как было отмечено выше, среди представителей малочисленных этнических групп также чаще проявляется тенденция использования надэтнических категорий для самоидентификации.

Мы интерпретируем наши результаты в том же русле, что и Дэвид Лэйтин, для которого выбор этнической идентичности — это во многом рациональный выбор, совершаемый в зависимости от выгод и издержек той или иной идентификации. Речь, конечно, не идет о строгих моделях *rational choice theory*, а об ограниченной рациональности (Simon 1972; Kahneman 2003) или ситуативной / вариативной рациональности (Esser 2009; Kroneberg, Kalter 2012). Выбор идентичности, а точнее, ее возможной манифестации существенно зависит от структурных условий — как для отдельных индивидов, так и для социально-этнических групп, к которым они принадлежат. В этом моменте сходятся и становятся плохо различимыми рациональная теория выбора идентичности и структурные теории ассимиляции.

Литература

Александров Д.А., Баранова В.В., Иванюшина В.А. *Дети из семей мигрантов в школах Санкт-Петербурга: предварительные данные*. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2011.

Александров Д.А., Иванюшина В.А., Казарцева Е.В. Этнический состав школ и миграционный статус школьников в России, *Вопросы образования*, 2015, 2: 173–195.

Баньковская С.П. Роберт Парк, *Современная американская социология*, под ред. В.И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994: 3–19.

Барт Ф. Введение, *Этнические группы и социальные границы*, под ред. Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006.

Брубейкер Р. *Этничность без групп*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Ван ден Берге П. Раса и этничность: социобиологическая перспектива, *Вопросы национализма*, 2014, 20: 89–99.

Винер Б.Е. Формы этничности, бывает ли у этноса сущность и что сторонники академика Бромлея могут взять у новых теорий, *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2005, 8(2), 142–164.

Винер Б.Е. К построению качественной регрессионной модели этнической идентичности, *Журнал социологии и социальной антропологии*, 1998, 1(3): 119–145.

Губогло М.Н. *Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки*. М.: Наука, 2003.

Козлова М.А. «Гости столицы» в глазах москвичей: Моральное обоснование оценок миграции, *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2015, 18(3): 110–122.

Сабирова Г.А., Андреева Ю.В. Школьная дружеская компания подростка с миграционной историей, *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2014, 17(1): 170–189.

Пиир А.М. Дети-мигранты: условия адаптации и формирование этнической идентичности (по материалам полевых исследований в петербургских школах), *Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий*. Третьи шёгреновские чтения. СПб.: Европейский Дом, 2009.

Тишков В.А. *Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии*. М.: Наука, 2003.

Alba R. Bright vs. blurred boundaries: Second-generation assimilation and exclusion in France, Germany, and the United States, *Ethnic and Racial Studies*, 2005, 28(1): 20–49.

Alba R., Nee V. *Remaking the American Mainstream: Assimilation and Contemporary Immigration*. Cambridge MA: Harvard University Press, 2003.

Barth F. *Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference*. Waveland Press, 1998.

Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. Immigrant Youth: Acculturation, Identity, and Adaptation, *Applied Psychology: an International Review*, 2006, 55(3): 303–332.

Esser H. Rationality and commitment: The model of frame selection and the explanation of normative action, in: *Raymond Boudon: A life in sociology. Essays in Honour of Raymond Boudon*, vol. 2, part 2, eds. M. Cherkaoui, p. Hamilton. Oxford: Bardwell Press, 2009: 207–230.

Fleischmann F., Verkuyten M., Poppe E. Ethnic and republic identification in the Russian Federation and Ukraine: A social dominance perspective, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2011, 37(1): 23–41.

Kahneman D. A perspective on judgment and choice: mapping bounded rationality, *American Psychologist*, 2003, 58(9): 697–720.

Kroneberg C., Kalter F. Rational choice theory and empirical research: Methodological and theoretical contributions in Europe, *Annual Review of Sociology*, 2012, 38: 73–92.

Laitin D., Bessinger M. Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad, *American Journal of Sociology*, 1999, 105(1): 294–296.

Minescu A., Hagendoorn L., Poppe E. Types of Identification and Intergroup Differentiation in the Russian Federation, *Journal of Social Issues*, 2008, 64(2): 321–342.

Okamoto D., Mora G.C. Panethnicity, *Annual Review of Sociology*, 2014, 40: 219–239.

Phinney J. A Three-Stage Model of Ethnic Identity Development in Adolescence, in: *Ethnic Identity: Formation and Transmission among Hispanics and Other Minorities*. Albany, 1993: 61–79.

Poppe E., Hagendoorn L. Titular identification of Russians in former Soviet Republics, *Europe-Asia Studies*, 2003, 55(5): 771-787.

Simon H.A. Theories of bounded rationality, *Decision and organization*, 1972, 1(1): 161-176.

Verkuyten M. *The Social Psychology of Ethnic Identity*. Hove, N.Y.: Psychology Press, 2005.

Waters M. C. Ethnic and racial identities of second-generation black immigrants in New York City, *International Migration Review*, 1994: 795-820.

Waters M.C. Optional Ethnicities: For Whites Only? in: *Origins and Destinies: Immigration, Race and Ethnicity in America*, Pedraza S., Rumbaut R. (eds.) Belmont, CA: Wadsworth, 1996.